

СТРОИТЕЛЬСТВО/НЕДВИЖИМОСТЬ

ИНТЕРВЬЮ

Виктор Щипалкин: Эспланада — некое священное место, к которому все боятся подходить

Почётный архитектор России — о новом поколении архитекторов и грядущих преобразованиях Перми

Дмитрий Енцов

— Виктор Петрович, на минувшей неделе состоялась очередная защита дипломных работ выпускников Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, где вы заведуете кафедрой архитектуры. Какие тенденции в работах студентов вы бы отметили? Первое, что мне бросилось в глаза, — почти все проекты касаются общественных пространств или многофункциональных зданий. Никаких проектов жилой застройки или религиозных зданий я не заметил, и лишь одна работа связана с промышленностью.

— Отмечу, что нынешние студенты очень целеустремлённые, а главное — им интересно учиться. Что касается проектов, то обычно происходит так: студенты предлагают варианты, которые были бы им интересны, а мы как преподаватели рекомендуем конкретную тему. Думаю, что общественным зданиям особое внимание уделяется потому, что такие проекты делать проще. Кроме того, сказывается фактор популярности проектов общественных зданий. О таких проектах говорят, что они на повестке дня, то есть студенту самому интереснее ими заниматься. Проекты жилой застройки у нас обычно делают, если они связаны с необычными решениями. Например, жилые комплексы на намывных территориях или жильё на мосту.

— Я также заметил, что последние пару лет многие проекты касаются либо студенческих общежитий, либо кампусов, либо молодёжных центров. На них есть общественный запрос или такая тема просто ближе самим студентам?

— Это запрос общества. Несколько лет назад в центре внимания были масштабные проекты: аэропорт, галерея, железнодорожный вокзал. Сейчас проводятся различные архитектурные конкурсы на проектирование кампусов и общежитий, всё это влияет на выбор проектов.

— Можно ли спрогнозировать, что будет востребовано через пять лет?

— Наверняка будет больше работ, связанных с промышленной архитектурой, так как очевидно, что на это сегодня есть запрос.

— За 27 лет существования филиала академии в Перми кто-то из выпускников внёс своё имя в архитектуру общероссийского масштаба?

— Есть выпускники, которые работают в Москве и Санкт-Петербурге, двое выпускников работают в архитектурной мастерской у Сергея Скуратова, известного архитектора.

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

— Я задал этот вопрос в контексте того, что очень часто на различных круглых столах и архитектурных мероприятиях пермские архитекторы жалуются, что многие проекты достаются иногородним бюро, а местных якобы не замечают.

— Согласен, такая проблема есть. Это, скорее всего, элемент политики. Но отношение к этому у меня двоякое. Лет 10 назад я был в Милане и там задал вопрос: почему звучат имена иностранных, а не местных архитекторов? На это ответили, что для реализации крупных проектов их приглашают банки. При этом ставка делается на громкие имена независимо от места проживания архитектора, это гарантия успешного воплощения проекта. Можно сказать, что в Милане над крупными проектами работают тоже не местные. Но сложившаяся мировая практика показывает, что в команде архитекторов, работающих над крупными проектами, обязательно должен присутствовать местный архитектор, поскольку этого требуют условия строительства. Так что возможно (и я надеюсь), что в пермских проектах местные архитекторы тоже будут принимать участие.

— Многие архитекторы жалуются, что нет архитектурных конкурсов, для реализации масштабных проектов напрямую нанимаются определённые бюро, нет состязательного момента.

— Конкурсов действительно не хватает. Но такова сегодняшняя пермская реальность.

— Был ли в вашей практике случай, когда выпускная работа студен-

та была очевидно лучше тех, которые предлагают профессиональные архитекторы?

— Такого в принципе быть не может по причине этапности архитектурного образования. Архитектор-выпускник пока многого не умеет и не знает, всё это приходит лишь с опытом. Специалист должен расти медленно и целесообразно. Выпускник занимает низшую ступень профессиональной лестницы. Мы все через это проходили. Когда я оканчивал вуз, тоже думал, что уже всё умею. Но когда мне говорили, что специалист обязан уметь работать, например, с отделочными материалами, я вообще не понимал, что это такое. Должно пройти минимум 5–10 лет, чтобы архитектор уже что-то из себя представлял. Причём весь этот рост должен сопровождаться участием в конкурсах в среде творческой конкуренции.

— Тема архитектуры, комфортного общественного пространства, реновации прочно вошла в информационную повестку дня, особенно в связи с грядущим 300-летием Перми. Вам нравятся все эти масштабные проекты преобразований?

— Отвечу так: для того чтобы оценить объект, нужно, чтобы он был построен. А путь от идеи до реализации очень длинный. Пока многое находится ещё на начальной стадии. Но есть очень интересные проекты. Например, преобразование территории завода им. Шпагина.

— А промежуточные итоги реконструкции 68-го квартала эспланады вам нравятся?

— В целом да. Изменения улучшают её пространственное состояние. Таким образом, для жителей города повышается качество среды. Но я считаю, что эспланада требует большего внимания, например, с точки зрения распределения транспортного потока. Надеюсь, к этому мы когда-то придём.

— Если пофантазировать, что у Перми неограниченный бюджет на преобразования, то чем вы рекомендовали бы заняться в первую очередь?

— Набережной и эспланадой.

— Но как раз ими сейчас и занимаются.

— Нет, работа по этим объектам ведётся только на уровне благоустройства, а пространственные вопросы не решены. Эспланада должна быть многоуровневым комплексом, а набережную необходимо наполнить пространственными решениями. Тогда эти площади приносили бы дополнительные деньги в бюджет города.

— Я нередко слышу, что с эспланадой ничего нельзя сделать из-за плохой почвы, ведь раньше на этом месте была река.

— Современные технологии позволяют всё это решить. Просто эспланада у нас как некое священное место, к которому все боятся подходить. Но я уверен, что в будущем эспланада останется общественным местом, но «усложнится», «обрастёт» дополнительными пешеходными связями.

— Есть мнение, что у Перми нет архитектурной идеи. Вы с этим согласны?

— Абсолютно не согласен. Как раз идея у нас есть, в отличие от многих других российских городов. Посмотрите, у нас чёткая связь двух главных улиц. Улица Ленина идёт параллельно Каме, и на ней есть акценты: Разгуляй, исторический центр, оперный театр, ЦУМ, гостиница «Урал», эспланада как вершина советского градостроительства. Эспланады были всего в нескольких городах Союза, но у нас она интереснее сделана и гармоничнее со всем сочетается. А далее опять некий пережим со сталинской архитектурой. Это одна разнообразная линия. Вторая линия — Комсомольский проспект, тоже самобытный, включающий в себя разные советские эпохи и выходящий на набережную. И обе эти линии пересекаются.

Для сравнения: в Екатеринбурге центр более хаотичный. Там мощная архитектурная школа, но «ошибочных», неудачных зданий там гораздо больше, чем у нас. В Перми же большинство неудачных решений относится не к центральной части города.